

Р.Р. Вергазов *

**САДОВО-ПАРКОВОЕ ИСКУССТВО
АХЕМЕНИДСКОГО ИРАНА. К ПРОБЛЕМЕ
РЕКОНСТРУКЦИИ И ТИПОЛОГИИ
ДРЕВНЕПЕРСИДСКИХ ПАРАДИЗОВ**

R.R. Vergazov

**THE LANDSCAPE-GARDENING ART
OF ACHAEMENID IRAN. ON RECONSTRUCTION
AND TYPOLOGY OF ANCIENT PERSIAN PARADISES**

Аннотация. Столичные дворцовые комплексы Ахеменидского Ирана (VI–IV вв. до н.э.) в Пасаргадах, Сузах и Персеполе воплотили принцип большого синтеза искусств, в котором органично соединились архитектура и скульптура, а также ландшафтная среда. Именно в эпоху Ахеменидов возникает особый тип иранского регулярного сада — парадиза, следы которого были обнаружены археологами в центре дворцового комплекса в Пасаргадах. Анализ античных источников (трудов Ксенофонта и Луция Флавия Арриана) позволяет выявить специфику древнеперсидских садов-парадизов и охотничьих парков, их различные подвиды, особенности устройства и семантики дворцового сада. Изучение клинописных табличек из «фортификационного архива» и «архива сокровищницы» Персеполя также предоставляет ценные данные о найме специальных работников, ухаживавших за царскими садами. Кроме того, эламские клинописные таблички из Персеполя указывают на существование приусадебных садов (“partetas”), которые заметно отличались от парадизов, поскольку имели преимущественно сельскохозяйственное назначение. Рассмотрение сохранившейся каменной ирригационной системы царского парадиза Пасаргад позволяет выявить строгую геометрическую планировку ахеменидских садов с пересекающимися аллеями, которые создают четырехчастную структуру сада. Впоследствии иранское садово-парковое искусство возьмет эту композицию за основу персидского четырехчастного сада («чахар баг»). Наличие компактных парковых павильонов сближает царский парадиз Пасаргад с более ранними ассирийскими садами в

---

* *Вергазов Рамиль Рафаилович*, научный сотрудник отдела Древнего Востока Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина

Vergazov Ramil' Rafailovich, Research Fellow, Department of the Ancient East, The Pushkin State Museum of Fine Arts

ramil.vergazov@arts-museum.ru

Хорсабаде и Ниневии (конец VIII–VII вв. до н.э.). В классических дворцовых комплексах Ахеменидов в Сузах и Персеполе садово-парковое искусство теряет свое значение и фактически становится дополнением к архитектуре. За счет этого царские сады Ахеменидов V–IV вв. до н.э. обладали большей компактностью и камерным характером. В связи с этим рассматривается актуальный вопрос локализации дворцовых садов в Сузах и Персеполе. На основе всех собранных археологических данных и письменных источников автор исследует проблемы типологии и реконструкции садово-паркового искусства Ахеменидского Ирана.

Ключевые слова: Ахеменидский Иран, садово-парковое искусство, древнеперсидские охотничьи парки, парадиз в Пасаргадах, царские сады в Сузах и Персеполе, типология и реконструкция ахеменидских садов.

Abstract. The capital's palace complexes of the 6th–4th-century BCE Achaemenid Iran in Pasargadae, Susa and Persepolis embodied the principle of a synthesis of arts, in which architecture and sculpture, as well as the landscape environment, were organically combined. A special type of Iranian regular garden — a paradise — emerged in the era of the Achaemenids and its remains were excavated by archaeologists in the center of the palace complex in Pasargadae. The analysis of ancient texts (the works by Xenophon and Lucius Flavius Arrian) reveals the specifics of ancient Persian gardens-paradises and hunting parks, their various categories, organizational features and semantics of the palace garden. The study of cuneiform tablets from the “Fortification” and “Treasury” archives of Persepolis also provides valuable data on the hiring of special workers who cared for the royal gardens. Additionally, the Elamite cuneiform tablets from Persepolis evidence the existence of home gardens (“partetaš”) that, being predominantly agricultural, markedly differed from the paradises. The examination of the extant stone irrigation system of the royal paradise in Pasargadae reveals a strict geometric layout of the Achaemenid gardens with intersecting alleys that create a four-part garden structure. Subsequently, Iranian landscape-gardening art will take this composition as the basis of the Persian four-part garden (“chahar bagh”). The presence of compact park pavilions brings the royal paradise of Pasargadae closer to the earlier Assyrian gardens in Khorsabad and Nineveh in the late 8th–7th centuries BCE. In the classical Achaemenid palace complexes in Susa and Persepolis, landscape-gardening art loses its significance and supplements architecture. Due to this fact, the royal gardens of the Achaemenids in the 5th–4th centuries BCE were more compact and intimate. In this regard, the author considers the relevant issue of localization of the palace gardens in Susa and Persepolis. He explores the problems of typology and reconstruction of landscape-gardening art in Achaemenid Iran on the basis of all the collected archaeological data and written sources.

Keywords: Achaemenid Iran, landscape-gardening art, ancient Persian hunting parks, the paradise in Pasargadae, royal gardens in Susa and Persepolis, typology and reconstruction of Achaemenid gardens.

Официальное искусство эпохи Ахеменидов (550–330 гг. до н.э.) — значимое явление в истории древневосточной художественной культуры I тыс. до н.э. Масштабные дворцовые комплексы персов в Пасаргадах, Сузах и Персеполе представляют органичный синтез архитектуры и монументального искусства. Не менее значимую роль в возникшем синтезе играла ландшафтная среда. Одним из главных достижений садово-паркового искусства Ахеменидов является создание особого типа регулярного сада — парадиза. Наиболее репрезентативный образец древнеперсидского парадиза был найден в ходе археологических исследований 1950–1960-х гг.¹ архитектурного ансамбля Пасаргад (540–530 гг. до н.э.) — первой столицы ахеменидской державы. Несмотря на слабую сохранность памятников садово-паркового искусства Ахеменидов, данный материал привлекает все большее внимание исследователей, поскольку древнеперсидский парадиз представляет собой специфически иранское явление, возникшее под воздействием богатого наследия древневосточного ландшафтного искусства I тыс. до н.э. На сегодняшний день степень изученности не только дворцовых комплексов Ахеменидов, но и письменных источников позволяет поставить вопросы о реконструкции и типологии древнеперсидских садов, рассмотрению которых и посвящена настоящая статья.

Следует отметить, что царский парадиз Кира II является единственным сохранившимся памятником садово-паркового искусства Ахеменидского Ирана и служит отправной точкой для большинства реконструкций древнеперсидских парадизов. По всей вероятности, уникальность царского сада Пасаргад связана не только с сохранностью системы каналов, но и с положением садово-паркового искусства в художественной традиции времени Кира (558–530 гг. до н.э.). Действительно, позднее в классических дворцовых комплексах Ахеменидов в Сузах и Персеполе сады теряют свое значение и фактически становятся дополнением к архитектуре, занимающей ключевое место в общем замысле и планировке комплекса. Очевидно, что сады V в. до н.э. обладали большей компактностью и камерным характером. Вероятно, изменение значения садово-паркового искусства связано с утвердившимся в эпоху Дария I (522–486 гг. до н.э.) преобладанием архитектуры в большом синтезе искусств как главного, стилеобразующего элемента официальной художественной традиции древней

---

¹ Sami A. Pasargadae. The Oldest Imperial Capital of Iran. Shiraz, 1956. P. 75–77; Stronach D. Pasargadae: A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961–1963. Oxford University Press, 1978. P. 107–112.

Персии. В раннеахеменидский период, напротив, сохранялся баланс между архитектурой и садово-парковым искусством: они органично взаимодействовали в рамках единого ансамбля Пасаргад.

Письменные источники

Садово-парковое искусство Древнего Востока I тыс. до н.э. крайне трудно исследовать, так как, в отличие от архитектуры, садово-парковая среда без надлежащего ухода довольно быстро разрушается, постепенно сливаясь с окружающим природным ландшафтом и практически не оставляя следов. Случай парадиза в Пасаргадах, с наличием археологических свидетельств его существования, скорее служит исключением из правил. Но помимо археологических исследований, важные сведения о садах и парках эпохи Ахеменидов содержатся в трудах античных авторов, а также на клинописных табличках из так называемого «фортификационного архива» и «архива сокровищницы» Персеполя.

Что касается античных источников, то наиболее значимые упоминания о садово-парковом искусстве персов встречаются в трудах «Киропедия», «Анабасис Кира Младшего», «Греческая история» и «Домострой» Ксенофонта (IV в. до н.э.), а также в «Анабасисе Александра Македонского» Луция Флавия Арриана (II в. н.э.). Из вышеупомянутых трудов показателен отрывок из «Домостроя» Ксенофонта, описывающий парк Кира Младшего в Сардах (конец V в. до н.э.). Здесь античный автор впервые приводит название древнеперсидского сада — “*paradeisos*”. Кроме того, Ксенофонт отмечает регулярность парка в Сардах, в котором ряды деревьев расположены на одинаковом расстоянии под прямым углом (Хеп. Оес. IV, 20–25). Автор также делает важное замечание о том, что проект парка был разработан самим Киrom Младшим, участвовавшим и в посадке растений. Этот фрагмент «Домостроя» указывает не только на регулярность древнеперсидского сада, но и на реализацию символического образа царя-садовника², восходящего к месопотамской традиции II–I тыс. до н.э.

Не менее важны сообщения Ксенофонта в «Киропедии» и «Анабасисе Кира Младшего» о существовании у Ахеменидов охотничьих парков, восходящих к ассирийской садово-парковой традиции (“*ambassu*”)³. В частности, в «Анабасисе» древнегреческий историк описывает охотничий парк Кира Младшего в Келенах, который нахо-

² *Stonach D.* The Garden as a Political Statement: Some Case Studies from the Near East in the First Millennium B.C. // *Bulletin of the Asia Institute. New Series.* 1990. Vol. IV. In honor of Richard Nelson Frye: Aspects of Iranian Culture. P. 171–180.

³ Судя по надписи царя Синаххериба из Ниневии, ассирийский “*ambassu*” сочетал функции охотничьих парков и ботанических садов, см.: *Oppenheim L.A.* On

дился рядом с дворцом и был органично вписан в окружающий природный ландшафт. Охотничий парк в Келенах делила на равные части река Меандр. Его размеры были весьма внушительны, поскольку Кир охотился на зверей верхом (Хен. Anab. I, 2. 7). По всей вероятности, зверей для охоты специально завозили и содержали в таких парках, которые существовали не только в царских резиденциях, но и в центрах сатрапий (Хен. Суг. VIII, 6. 12). Краткое упоминание в «Греческой истории» Ксенофонта о дворце Фарнабаза в Даскилее дает сведения о том, что для охоты использовались «как загороженные парки, так и открытое пространство» (Хен. Hell. IV. 1. 15), т.е. искусственно созданные охотничьи парки, скорее всего, были огорожены стеной, которая могла иметь ворота. Вероятно, в их пределах находились и парковые павильоны. Не исключено, что для удобства охоты верхом естественный ландшафт могли выравнять⁴. Показательно, что Ксенофонт при описании охотничьих парков в Келенах и Даскилее называет их «парадизами», что может указывать на их регулярную планировку и наличие искусственных насаждений.

Не менее значимым является сообщение Арриана в «Анабасисе Александра» о том, что гробница Кира в окрестностях Пасаргад находилась в царском парке («парадизе») с «рощей из всех видов деревьев»⁵ и лугами, по которым протекала река (Arr. Anab. VI. 29. 4). Вероятно, Арриан описал еще один подвид садово-паркового искусства Пасаргад — сакральный парк (или рощу). Само расположение гробницы Кира вблизи парка и наличие постройки для стражей-магов, совершающих ежемесячно жертвоприношения лошадей (Arr. Anab. VI. 29. 7), указывает на сакральные функции описанной рощи, где маги могли совершать ритуалы. Вполне возможно, что мирт и трилистник, использовавшиеся персами в жертвоприношениях богам (Hdt. I. 132), выращивали в этих сакральных рощах. В то же время, ритуальные функции мог выполнять любой царский сад или парк, поэтому рассматривать священные рощи в качестве отдельной типологии не вполне целесообразно. В результате сообщения античных авторов позволяют выделить два распространенных типа садово-парковых решений в ахеменидском искусстве: сады-парадизы и охотничьи парки. Последние реконструируются только на основе письменных источников, поскольку археологически не выявлены.

Royal Gardens in Mesopotamia // Journal of Near Eastern Studies. 1965. Vol. 24, N 4. Erich F. Schmidt Memorial Issue. Part 2. P. 333.

⁴ *Tuplin* C. Achaemenid Studies / Historia Einzelschriften 99. Stuttgart, 1997. P. 101.

⁵ Возникают параллели с ассирийскими ботаническими садами, указанными в надписях Ашшурнацирапала II и Саргона II, см.: *Stronach* D. The Garden as a Political Statement... P. 171–172.

Второй письменный источник, клинописные таблички V в. до н.э. из Персеполя, упоминают выдачу рационов для особых работников, названных в древнеперсидских текстах “kuršiiikkaš”, что можно перевести как «земледелец» или «землепашец»⁶. По всей вероятности, именно эти работники ухаживали за царскими садами в дворцовых комплексах Ахеменидов. Их большое число (в тексте РТ 14 упомянуты 470 человек) указывает на разделение труда. Вероятно, основная часть работников возделывала землю и занималась поливом растений⁷. Другая группа могла выступать в качестве профессиональных садовников, создававших новый садово-парковый ландшафт ансамблей⁸. Скорее всего, они также следили за сохранением регулярного вида сада. Кроме того, в ряде эламских табличек из Персеполя (около 40 текстов) встречается слово “partetaš”, обозначающее «сельское поместье» или «усадьбу»⁹. По-видимому, эти крупные поместья включали и сады, за которыми также ухаживали работники¹⁰. Однако сады в “partetaš”, вероятно, имели преимущественно сельскохозяйственный характер, обусловленный натуральным оброком в пользу их владельца — «Великого царя»¹¹. Административно-хозяйственное назначение поместий подтверждается наличием складов с продовольствием¹², что позволяет рассматривать их как центры хозяйственной жизни в Ахеменидском Иране, а не царские резиденции с парадизами. Таким образом, рассмотренные письменные источники предоставляют ценный материал для исследования вопросов реконструкции и типологии садово-паркового искусства Ахеменидов.

Древнеперсидский парадиз в Пасаргадах

Пасаргады были задуманы Киrom II как новый центр его державы. Дворцовый комплекс был построен в окрестностях долины Мургаб вблизи реки Пулвар. Пасаргады стали административной столицей древней Персии, выполнявшей также важные ритуально-церемониальные функции, связанные с торжественным вступлением

---

⁶ Cameron S.G. Persepolis Treasury Tablets / Oriental Institute Publications 65. Chicago, 1948. P. 14, 108–109; Hallock R.T. Persepolis Fortification Tablets / Oriental Institute Publications 92. Chicago, 1969. P. 15.

⁷ Cameron S.G. Op. cit. P. 109.

⁸ Francovich G. Problems of Achaemenid Architecture // East and West. 16. 1966. P. 204.

⁹ Boucharlat R. Achaemenid Estate(s) near Pasargadae? // Extraction and Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper. Studies in Ancient Oriental Civilization 68 / Ed. W. Henkelman, Ch. Jones, M. Kozuh, Ch. Woods. Chicago, 2014. P. 34.

¹⁰ Hallock R.T. Op. cit. P. 497.

¹¹ Tuplin C. Op. cit. P. 93–96.

¹² Hallock R.T. Op. cit. P. 742.

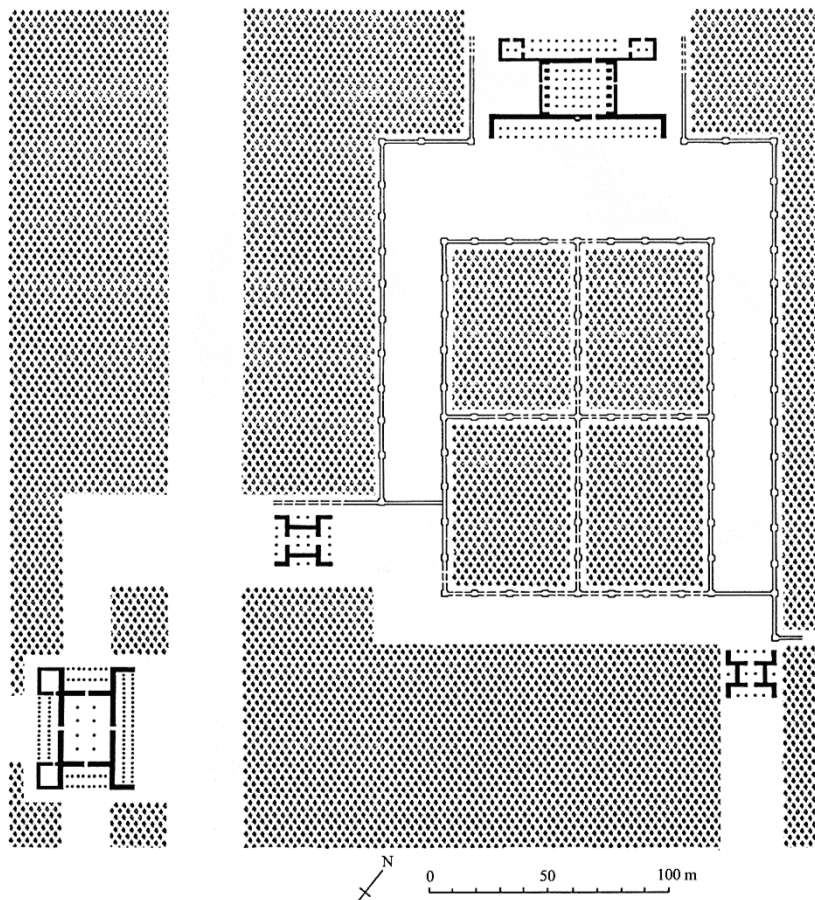

Рис. 1. Планировка «района дворцов» с парадизом в Пасаргадах
(по: Stronach, 1990)

каждого нового «Великого царя» на престол¹³. По всей вероятности, эти празднества сопровождались парадными процессиями подданных и приношениями ими даров новому царю. Поэтому планировочное решение «района дворцов» Пасаргад было продумано с учетом церемониальных функций и парадных шествий. В равной степени это относится и к планировке царского сада, находившегося в самом центре «района дворцов» (рис. 1). Данный участок комплекса состоял из монументальных входных ворот («дворец R»), далее располагался

¹³ Дандамаев М.А. Политическая История Ахеменидской державы. М., 1985. С. 71, 207.

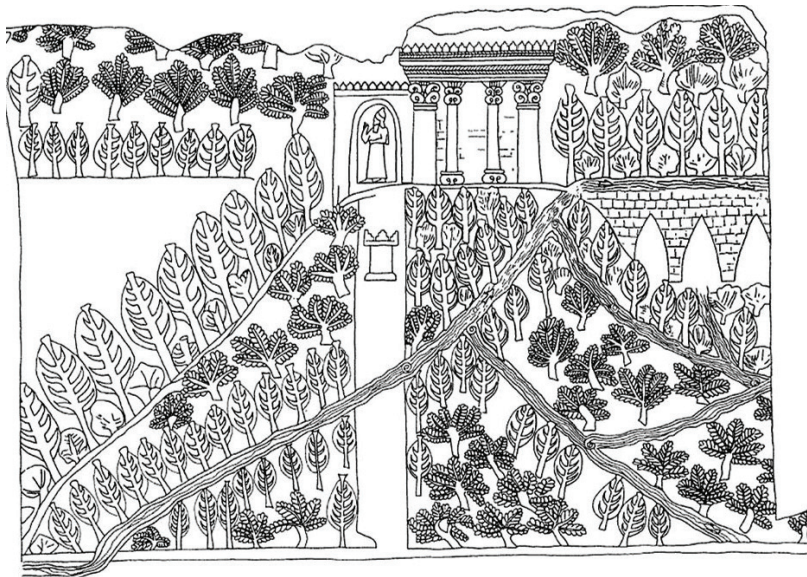

Рис. 2. Рельеф с царским садом из дворца Ашшурбанапала в Ниневии.
Прорисовка (по: Dalley, 1993)

«дворец аудиенций» («дворец S»), через «павильоны А и В» дорога вела в центральную часть комплекса к парадизу и дворцу резиденции («дворец Р»)¹⁴.

Проход к царскому саду был оформлен восточным и западным павильонами (А и В соответственно). Их композиция фактически повторяет в уменьшенном масштабе архитектуру дворцов Пасаргад. «Павильон А» расположен в углу восточной части царского сада. Он представлял собой прямоугольное здание, внутри которого находился двухколонный зал. Эта архитектурная особенность находит параллели в ассирийских дворцовых рельефах эпохи Саргона II из Хорсабада (конец VIII в. до н.э.) и Ашшурбанапала в Ниневии (вторая половина VII в. до н.э.), изображающих царские сады с небольшими двухколонными павильонами (рис. 2)¹⁵. Два главных фасада (юго-восточный и северо-западный) «павильона А» оформлены портиками с четырьмя колоннами. Второй, квадратный в плане «павильон В», находится в углу южной части царского сада. Он состоял из четырехколонного (2×2) зала. Аналогично «павильону А», два главных фасада (юго-западный и северо-восточный) западного павильона украшены

¹⁴ См. планировку Пасаргад: *Stronach D. Pasargadae: A Report on the Excavations...* Fig. 48.

¹⁵ *Francovich G. Op. cit. P. 212. Fig. 23–24.*

четырёхколонными портиками, расположенными перпендикулярно царскому парадизу. По всей видимости, «павильон В», находившийся на пути между центральной частью ансамбля и «дворцом аудиенций», представлял собой главный парадный вход¹⁶ для церемониальных шествий в пространство царского сада и дворца резиденции Кира II.

Для лучшего понимания характера ахеменидских садов необходимо затронуть вопрос этимологии слова «парадиз». Эта греческая форма берет свое начало от слова “paridaida” (A2Sd: 3) в древнеперсидском языке. В свою очередь оно восходит к авестийскому “pairidaeza” и мидийскому “paridaiza”, которое можно перевести как «обнесенный стеной участок»¹⁷, т.е. огороженное пространство. Кроме того, мидийское слово “paridaiza” имеет параллели в эламском языке — “partetas” («поместье»), а также оно отразилось в аккадской форме “pardesu” — «сад». Под влиянием мидийской традиции возникло слово “paradeisos” в древнегреческом языке. Следовательно, древнеиранское слово “paridaida” («парадиз»), которое дословно переводится как «обнесенный стеной», следует трактовать как огороженный стеной регулярный сад. В пользу этой трактовки свидетельствуют находки огороженных участков рядом с дворцами классического и позднеахеменидского времени (V — первая половина IV в. до н.э.), где, вероятно, находились сады. К числу таких памятников относятся дворец Артаксеркса II в Сузах¹⁸, а также провинциальная резиденция в Гараджамирли¹⁹. При этом парадиз в Пасаргадах не относится к типу огороженных садов²⁰, что, по-видимому, указывает на изменения в садово-парковом искусстве Ахеменидов в V в. до н.э., связанные с созданием при дворцах закрытых регулярных садов относительно небольших размеров.

Следует отметить, что царский парадиз в Пасаргадах взаимодействует с окружающей архитектурой дворцов, в результате образуя единый дворцово-садовый комплекс. Такую роль сада определило не только желание царственного заказчика, но и сама местность. Пасаргадский парадиз находился на равнине в самом центре ансамбля неподалеку от реки Пулвар. Царский сад, подчиненный геометриче-

---

¹⁶ *Stronach D.* Pasargadae: A Report on the Excavations... P. 112.

¹⁷ *Tuplin C.* Op. cit. P. 93.

¹⁸ *Boucharlat R., Gasche H.* Other works of Darius and his successors // *The Palace of Darius at Susa: The Great Royal Residence of Achaemenid Persia* / Ed. by J. Perrot, J. Curtis. London, 2013. P. 376, 385–387.

¹⁹ *Knauss Fl., Gagosidse I., Babaev I.* Karacamirli: Ein persisches Paradies // *Achaemenid Research on Texts and Archaeology*. 004. 2013. S. 18–19.

²⁰ Найденные Д. Стронахом фрагменты сырцовых стен, возможно, ограживавших «район дворцов», не влияют на общий открытый характер сада: *Stronach D.* Pasargadae: A Report on the Excavations ... P. 44.

ским формам, организует пространство вблизи дворцов, павильонов и создает особую ландшафтную среду. А в качестве фона для цветущего парадиза по контрасту выступают высокие холмы с немногочисленной растительностью, что вполне соотносится с концепцией райского сада среди дикой природы. Пасаргадский парадиз имеет регулярную четырехчастную планировку, своими углами он ориентирован по направлениям север–юг и запад–восток. Царский сад был снабжен развитой ирригационной системой, состоящей из каменных водопроводных каналов (шириной 25 см) и квадратных бассейнов (80x80 см) для регулирования подачи воды²¹, которая попадала в каналы из реки Пулвар.

В этой связи примечательны параллели со схожими ирригационными конструкциями в саду ассирийского царя Синаххериба в Ниневии (первая треть VII в. до н.э.), представленном в рельефах и надписях²². По всей видимости, в местах пересечения ирригационной системы парадиза с аллеями, ведущими к дворцу резиденции, вместо открытых каменных каналов были использованы керамические трубы, аналогично южной части террасы Персеполя²³. Квадратные бассейны, расположенные с интервалами в 13 м, помимо утилитарных задач (распределение воды с помощью шлюзов в верхней части стенок бассейнов и предохранение каналов от засорения) выполняли и эстетические функции. Вполне вероятно, водную гладь бассейнов украшали лилии или другие водные растения²⁴. Также важно учитывать, что вода, протекающая по каменным каналам и бассейнам, находилась на одном уровне с землей. Это конструктивное решение создавало впечатление «водных аллей», играющих в лучах солнца.

Ирригационная система активно участвует в оформлении царского сада, так как разделяет его на две прямоугольные части и образует аллеи. Главная аллея парадиза находится на одной оси с тронным местом в юго-восточном портике и центром гипостильного зала дворца резиденции Кира II²⁵. Этот продуманный прием свидетельствует о разработанной программе, воплощавшей в искусстве сада идеологию царской власти Ахеменидов. Политический и сакральный

---

²¹ *Stronach D. The Garden as a Political Statement...* P. 174.

²² См.: *Dalley S. Ancient Mesopotamian Gardens and the Identification of the Hanging Gardens of Babylon Resolved // Garden History. Vol. 21, N 1. 1993. P. 8–10. Fig. 2.*

²³ *Tadjvidi A. Persepolis: Survey of excavations in Iran 1971–1972 // Iran 11. 1973. P. 200–201.*

²⁴ *Stronach D. Pasargadae: A Report on the Excavations ...* P. 109. Fig. 49.

²⁵ *Медведская И.Н. Ахеменидское искусство // История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / Под ред. А.В. Седова. М., 2004. С. 670.*

символизм пасаргадского парадиза связан с образом царя как творца, создающего благоухающий сад из нетронутой земли, который преодолевает своей симметричной планировкой силы дикой природы. Кроме того, персидский сад-парадиз в младоавестийской традиции воплощает образ небесного райского сада (Yt. 22.15). Тем самым религиозные концепции накладываются на политический подтекст, всегда существовавший в садово-парковом искусстве Древнего Востока I тыс. до н.э. В результате персидский царь выступает в роли всемогущего творца, воспроизводящего модель райского сада на Земле. Действительно, царский сад в Пасаргадах представляет собой своего рода манифест, прославляющий могущество персидского царя, богоизбранность его власти и богатство державы Ахеменидов. Во многом иконология персидского парадиза продолжает ассиро-вавилонскую традицию, в которой садово-парковое искусство символизирует плодотворный труд царя-садовника, обеспечивающего изобилие и процветание своего царства²⁶.

По своей планировке парадиз в Пасаргадах представляет собой первый прототип персидского четырехчастного сада («чахар баг»)²⁷. Считается, что именно эпоха Кира II Великого привнесла типологию сада «чахар баг» в дворцовую архитектуру персов. Четырехчастный сад, занявший важное место в структуре ансамбля Пасаргад, станет характерной особенностью садово-паркового искусства Ирана в последующие столетия. Что касается прецедентов синтеза архитектуры и садового искусства в древневосточном искусстве I тыс. до н.э.²⁸, то достаточно упомянуть ассирийские сады в Хорсабаде и Ниневии, а также знаменитые висячие сады Семирамиды в Новом Вавилоне. Но в отличие от ассиро-вавилонских садов, пасаргадский парадиз является центральным звеном ансамбля, он подчинен строгой логике симметричной планировки. Регулярная сетка царского сада из пересекающихся аллей непосредственно участвует в формировании композиции центральной части ансамбля. Кроме того, его геометрические формы согласуются с идеологической программой и церемониальными функциями раннеахеменидского искусства. Четырехчастный сад образует оси движения для парадных процессий и, вероятно, символически воплощает образ «четырёх сторон» империи Кира II, которые упомянуты в надписи на так называемом «цилиндре Кира»²⁹. В этом отношении именно садово-парковое искусство

---

²⁶ Stronach D. The Garden as a Political Statement... P. 176.

²⁷ Pinder Wilson R. The Persian Garden: Bagh and Chahar Bagh // The Islamic Garden / Ed. by E.B. Macdougall, R. Ettinghausen. Washington, D.C., 1976. P. 75–76.

²⁸ О более ранних образцах месопотамских садов см.: Dalley S. Op. cit. P. 1–4.

²⁹ Stronach D. The Garden as a Political Statement... P. 176.

раннеахеменидского периода в наибольшей степени приближается к реализации идеологической программы официального стиля V в. до н.э., представленного памятниками классического искусства в Сузах и Персеполе. Ее основу составляют идеи единого политического, экономического и культурного пространства “Рах Persica” в рамках империи Ахеменидов, демонстрации могущества власти «Великих царей» и ее божественное благословение³⁰. Аналогичные идеи прочитывается и в оформлении древнеперсидского парадиза в Пасаргадах.

В связи с типологией пасаргадского сада следует упомянуть, что существует точка зрения, согласно которой парадиз Кира II не является в полной мере прототипом персидского сада «чахар баг». Действительно, каменные каналы делят царский сад только на две прямоугольные части³¹, а существование поперечной оси до конца археологически не выявлено. Однако достоверных доказательств отсутствия перпендикулярной каналу аллеи также нет, тем более что сама логика расположения тронного места в открытом портике дворца резиденции, обращенного в сад, подразумевает наличие центральной поперечной оси³². Благодаря этой поперечной аллее перед царем мог открываться великолепный вид на перспективу парадиза. На наш взгляд, эти аргументы позволяют рассматривать царский сад в Пасаргадах как первый прототип персидского четырехчастного сада, который получил дальнейшее развитие в ландшафтном искусстве Ирана. По-видимому, пасаргадский парадиз послужил образцом для парка Кира Младшего в Сардах. По крайней мере, по описанию Ксенофонта парк в Сардах имел схожую регулярную планировку с посадками под прямым углом, подчиненную строгим геометрическим формам.

Таким образом, царский сад Кира II в Пасаргадах является важным памятником садово-паркового искусства не только ахеменидского периода, но и последующих эпох. Весьма показателен тот факт, что пасаргадский парадиз послужил основой для типологии персидского «чахар баг» в дворцовой архитектуре Сасанидского Ирана (например, сад дворца Хосрова II в Каср-и Ширин, начало VII в. н.э.). Кроме того, четырехчастная композиция персидских садов оказала заметное влияние на дальнейшее развитие садово-паркового искусства государств Ближнего Востока и Южной Азии³³.

³⁰ Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977. С. 64.

³¹ Stronach D. Pasargadae: A Report on the Excavations... Fig. 48

³² Stronach D. The Royal Garden at Pasargadae: Evolution and Legacy // Archaeologia Iranica et Orientalis: Miscellanea in Honorem Louis Vanden Berghe / Ed. by L. de Meyer, E. Haerincq, Vol. I. Ghent, 1989. P. 482.

³³ См. подробнее: Pinder Wilson R. Op. cit. P. 73–74; Stronach D. The Garden as a Political Statement... P. 176–178.

Царские сады в дворцовых комплексах Суз и Персеполя

Садово-парковое искусство в классических ансамблях Ахеменидов V в. до н.э. утратило свое былое значение, уступив главенствующую роль архитектуре. Однако это не значит, что оно полностью исчезло. Несмотря на все сложности в локализации садов и их реконструкции в дворцовых ансамблях, археологические исследования ирригационных систем и клинописных текстов³⁴ указывают на то, что в дворцовых комплексах V в. до н.э. в Сузах и Персеполе существовали сады.

Дворцовый ансамбль в Сузах был первым столичным комплексом, реализованным в рамках масштабной строительной программы царя Дария I. Главная северная часть новой столицы была возведена на основе холма («ападаны»), который был выровнен и дополнен искусственной террасой. Комплекс включает «ворота Дария I», масштабный дворец-резиденцию и ападану, которая с севера завершала ансамбль. К сожалению, Сузы сохранились намного хуже, чем Персеполь. Сузанские дворцы эпохи Дария I сильно пострадали в результате пожара во времена Артаксеркса I (середина V в. до н.э.) и были перестроены спустя почти столетие при Артаксерксе II (первая половина IV в. до н.э.)³⁵. Учитывая это обстоятельство, а также отсутствие значимых находок каналов, месторасположение царского сада в Сузах можно определить только гипотетически. Возможно, небольшой парадиз находился в северо-западной части платформы вблизи ападаны и, вероятно, имел регулярную планировку³⁶. Если принимать во внимание ветхозаветные источники (Книга Эсфирь 1:5, 7:7–8), то царский сад в Сузах был расположен во дворе около дворца и окружен стеной, которая не выявлена при раскопках³⁷. Таким образом сад-парадиз в Сузах действительно существовал на дворцовой террасе возле ападаны, по крайней мере до пожара середины V в. до н.э., но более конкретных сведений о нем не сохранилось.

В эпоху Артаксеркса II (404–359 гг. до н.э.) была построена царская резиденция («дворец Шаур») в Сузах на противоположном западном берегу реки Шаур. Эта резиденция состоит из трех построек — главного дворца с 64-колонным (8x8) гипостильным залом, северного «здания II» (прямоугольный двор с портиком и окружающие его служебные помещения) и слабо сохранившегося «здания III» (колонного павильона). Вероятно, парадиз, о котором упоминает в надписи сам

³⁴ *Francovich G.* Op. cit. P. 204.

³⁵ *Медведская И.Н.* Указ. соч. С. 680.

³⁶ *Perrot J.* L'architecture militaire et palatiale des Achéménides à Suse // 150 Jahre Deutsches Archäologisches Institut 1829–1979. Mainz, 1981. P. 83.

³⁷ *Tuplin C.* Op. cit. P. 90.

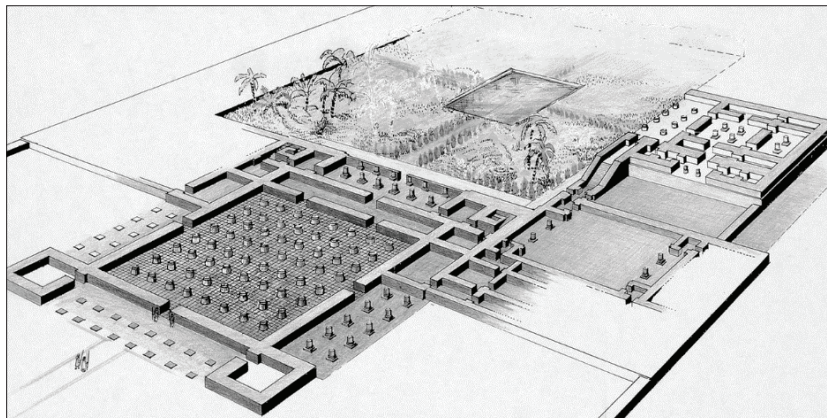

Рис. 3. Реконструкция дворца Артаксеркса II в Сузах
(по: Boucharlat, Gasche, 2013)

Артаксеркс II (A2Sd: 3), занимал прямоугольный участок (60×70 м) в юго-западной части резиденции (рис. 3). Сад был окружен стенами и портиками дворцовых построек. Его замкнутый компактный характер указывает на развитие идеи огороженного сада-парадиза в позднеахеменидском садово-парковом искусстве. В этой связи примечательно, что аналогичное решение огороженного сада возле дворца возникает и в провинциальной резиденции Ахеменидов в Гараджамирли (начало V в. до н.э.)³⁸. Маловероятно, что Гараджамирли служили сельскохозяйственным поместьем типа “partetaš”, поскольку эта парадная резиденция обладает выраженным репрезентативным характером. Эти параллели указывают на распространение в садово-парковом искусстве персидских сатрапий типологии компактных огороженных парадизов. Возвращаясь к царскому саду Шаура, важно отметить, что его реконструкция сопряжена с большими трудностями, обусловленными отсутствием следов каменной ирригационной системы. По-видимому, сад имел регулярную (возможно, четырехчастную) планировку с посадками деревьев³⁹. Судя по своему расположению в резиденции, решение парадиза во «дворце Шаур» более близко к традиции месопотамских дворовых садов⁴⁰, чем к открытому саду Кира II в Пасаргадах. Эти аналогии неслучайны — они могут указывать на то, что позднеахеменидское садово-парковое искусство в большей степени стало ориентироваться на богатое наследие месопотамских

³⁸ Knauss Fl., Gagosidse I., Babaev I. Op. cit. S. 18–19.

³⁹ Tuplin C. Op. cit. P. 90. См. реконструкцию парадиза: Boucharlat R., Gasche H. Op. cit. Fig. 429.

⁴⁰ Dalley S. Op. cit. P. 2–3.

садов, синтезируя их решения с особенностями древнеперсидского парадиза.

Дворцовый комплекс в Персеполе как главный строительный проект эпохи Дария I и Ксеркса в полной мере воплотил официальное искусство Ахеменидов. У основания горы Кух-и Рахмат на искусственной платформе за столетия (конец VI – середина V в. до н.э.) были возведены более десяти дворцов. Несомненно, в Персеполе были и сады. В связи с ландшафтным искусством особый интерес представляет юго-западный участок Персеполя возле дворцов Дария I («тачара») и Ксеркса («хадиш»). Основываясь на обнаруженных в северной части от двора «хадиша» фрагментах рельефов эпохи Артаксеркса III, археолог Э. Шмидт предположил, что там располагался так называемый «дворец G»⁴¹. Однако, наличие дренажных каналов, пересекающих этот участок, и сама структура обломков (мелкая каменная крошка без значимых архитектурных фрагментов) позволяют локализовать царский сад Дария на месте «дворца G», который, видимо, не существовал в то время⁴². Аналогичная ситуация складывается с «дворцом D», расположенным между «хадишем» и «зданием гарема». На большей части участка обломки (щебень) имеют схожую структуру, а найденные в его западной части следы сырцово-кирпичной стены и двух колоколовидных баз колонн⁴³ могли принадлежать как дворцу, так и садовому павильону. По-видимому, этот участок изначально был предназначен для сада Ксеркса⁴⁴. Вполне возможно, что первоначальный строительный проект затем был изменен следующими поколениями «Великих царей» и на месте сада Ксеркса появился дворец либо павильон.

К сожалению, облик персепольских садов крайне трудно реконструировать. Очевидно, что оба царских сада имеют схожие черты — размещение на дополнительных платформах, компактный размер и замкнутый характер (с трех сторон примыкают дворцы). Не исключено, что сад Дария (наподобие сакральной рощи Пасаргад) мог использоваться в качестве конечного пункта для церемониально-ритуальных процессов, изображенных на рельефах лестниц дворцов Дария и Ксеркса⁴⁵. Существует также мнение, что на раннем этапе

---

⁴¹ Schmidt E.F. *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago, 1953. P. 274–275. Fig. 21, 116, 118.

⁴² По крайней мере, до IV в. до н.э.: Francovich G. *Op. cit.* P. 208.

⁴³ Schmidt E.F. *Op. cit.* P. 269. Fig. 114.

⁴⁴ Francovich G. *Op. cit.* P. 209.

⁴⁵ См. подробнее: Razmjou S. *Persepolis: A Reinterpretation of Palaces and Their Function // The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East / Ed. by J. Curtis, St. J. Simpson*. London, 2010. P. 233–242. Fig. 20.3–20.5.

строительства Персеполя, когда были возведены ападана, «тачара» и сокровищница, сады оформляли всю восточную и южную часть террасы⁴⁶. Эта гипотеза интересна прежде всего тем, что затрагивает актуальную проблему одновременности строительных работ в Персеполе и реконструкции ансамбля на разных этапах его возведения. Исследование этой темы несомненно расширит наши представления о ландшафтной среде древней столицы персов.

В результате, на основе археологических данных и клинописных источников можно сделать вывод, что классический дворцовый комплекс в Персеполе был украшен царскими садами-парадизами, за которыми, согласно табличкам 483 и 470 гг. до н.э., регулярно ухаживали специально нанятые работники⁴⁷. По своей композиции эти сады близки к садам в Сузах и, вероятно, относились к одному типу небольших парадизов при дворцах.

Реконструкция и типология древнеперсидских парадизов

Рассмотренные памятники садово-паркового искусства Ахеменидского Ирана и данные письменных источников позволяют выделить основные особенности, благодаря которым можно реконструировать общие черты древнеперсидского парадиза. На материале царского сада Пасаргад можно обозначить следующие особенности: регулярная четырехчастная планировка, строгие геометрические формы композиции, наличие развитой ирригационной системы, оформление входа в сад с помощью парадных павильонов, а также взаимодействие сада с окружающей архитектурной средой. Этот тип парадиза следует рассматривать как модель для реконструкции общего решения царских садов в классических комплексах V в. до н.э., испытавших влияние раннеахеменидского прототипа.

Археологические находки в Сузах, Персеполе и сообщения античных авторов позволяют выделить в садово-парковом искусстве Ахеменидов V–IV в. до н.э. еще как минимум два типа памятников. *Первый тип* связан с типологией охотничьих парков, которые по письменным источникам представляли собой большие регулярные пространства или заповедники, предназначенные для верховой охоты. Судя по сообщениям Ксенофонта, охотничьи парки были специально огорожены стеной и, по-видимому, аналогично парадизам, имели регулярные участки с искусственными насаждениями. Поскольку охота была важным занятием для царя и персидской знати, упражнявшейся в езде верхом, стрельбе из лука и метании копья, охотничьи парки

---

⁴⁶ Tuplin C. Op. cit. P. 89.

⁴⁷ Francovich G. Op. cit. P. 204.

были задействованы и в воспитании знатных персидских юношей, которые тренировали здесь свои физические качества (Хен. Суг. I. 2. 9–13). По-видимому, большая часть добычи охотников состояла из представителей местной фауны (звери, птицы), а также специально завезенных в парк «самых разнообразных» животных (Хен. Суг. I. 3. 14.), которые были заранее подготовлены к охоте (чтобы не нанести вред юным охотникам, Хен. Суг. I. 4. 7,11). Помимо огороженных парков, персы также охотились на диких зверей в их естественной среде обитания, что считалось более опасным занятием. Вероятно, при выборе места для охотничьего парка учитывалось наличие поблизости реки или водного источника. Весьма показательны, что Ксенофонт после изгнания из Афин в своем поместье в Скиллунте разбил парк с рощами и лугами возле реки Селинунт, где охотился на оленей и кабанов (Хен. Anab. V, 3. 7–13). Возможно, парк Ксенофонта повторял ахеменидский тип охотничьего парка⁴⁸, который представляет собой симбиоз огороженного персидского парадиза и развитой традиции ассирийских парков.

Второй тип представлен закрытыми дворцовыми садами-парадизами V–IV вв. до н.э. на террасах Суз и Персеполя. Такие огороженные сады имели относительно компактные размеры, поскольку находились в окружении построек или непосредственно соединялись с дворцом. По своей структуре они могли повторять четырехчастную композицию парадиза в Пасаргадах. Не исключено, что данный тип царского сада является результатом развития раннеахеменидского парадиза, который в классическом искусстве приобрел иное значение и новые черты, обусловленные возникшей неразрывной связью с архитектурой дворцов. Подобные сады отличались замкнутым характером, поскольку выполняли функцию камерного сада при дворце. Что касается реконструкции их композиции, то наиболее вероятна регулярная планировка с принципом симметрии частей, характерной в целом для ахеменидского искусства. Вполне возможно, эти сады имели церемониально-ритуальное значение, особенно в контексте царских садов Персеполя. Их использование в качестве ботанических садов маловероятно⁴⁹, для этих целей скорее подходили усадебные сады в поместьях “partetaš”. В результате второй тип дворцовых садов трансформирует традицию парадизов эпохи Кира II в соответствии с новыми художественными принципами классического и позднеахеменидского искусства V–IV вв. до н.э.

---

⁴⁸ Hirsch S.W. The Friendship of the Barbarians: Xenophon and the Persian Empire. Hanover, 1985. P. 152–153.

⁴⁹ Tuplin C. Op. cit. P. 114–115.

Подводя итог, важно отметить, что древнеперсидский парадиз представляет собой специфически ахеменидское художественное явление, которое, несомненно, опирается на богатое наследие садово-паркового искусства Древнего Востока I тыс. до н.э. Исследование взаимосвязанных проблем реконструкции и типологии парадизов выявляет их специфику и основные этапы развития от масштабных открытых садов Пасаргад к замкнутым дворцовым парадизам Суз и Персеполя, что полностью соотносится с общими тенденциями в официальном древнеперсидском искусстве. Творческий поиск новых конструктивных решений, происходивший в художественной культуре Ахеменидов, создал оригинальные памятники древнеперсидского ландшафтного искусства, которые оказали влияние на дальнейшее развитие художественной культуры Ближнего Востока.

References

Boucharlat R. *Achaemenid Estate(s) near Pasargadae? // Extraction and Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper*. Studies in Ancient Oriental Civilization 68 / Ed. by W. Henkelman, Ch. Jones, M. Kozuh, Ch. Woods. Chicago: Oriental Institute Press. 2014, pp. 27–35.

Boucharlat R., Gasche H. *Other works of Darius and his successors // The Palace of Darius at Susa: The Great Royal Residence of Achaemenid Persia* / Ed. by J. Perrot, J. Curtis. London: I.B. Tauris. 2013, pp. 359–407.

Cameron S.G. *Persepolis Treasury Tablets / Oriental Institute Publications 65*. Chicago: University of Chicago Press, 1948. 214 p.

Dalley S. *Ancient Mesopotamian Gardens and the Identification of the Hanging Gardens of Babylon Resolved // Garden History*. Vol. 21. N 1. 1993, pp. 1–13.

Dandamayev M.A. *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoy derzhavy* [A Political History of the Achaemenid Empire]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1985. 319 p.

Francovich G. *Problems of Achaemenid Architecture // East and West*. 16. 1966, pp. 201–60.

Hallock R.T. *Persepolis Fortification Tablets / Oriental Institute Publications 92*. Chicago: University of Chicago Press, 1969. 776 p.

Herzfeld E. *Bericht über die Ausgrabungen von Pasargadae 1928 // Archäologische Mitteilungen aus Iran*. 1. 1929, S. 4–16.

Hirsch S.W. *The Friendship of the Barbarians: Xenophon and the Persian Empire*. Hanover: Tufts Unisity, 1985. 232 p.

Knauss Fl., Gagosidse I., Babaev I. *Karacamirli: Ein persisches Paradies // Achaemenid Research on Texts and Archaeology*. 004. 2013, S. 1–24.

Lukonin V.G. *Iskusstvo Drevnego Irana* [Art of Ancient Iran]. Moscow: Iskustvo, 1977. 232 p.

Medvedskaya I.N. *Akhemeniidskoye iskusstvo* [Achaemenid Art] // *Istoriya drevnego Vostoka. Ot rannikh gosudarstvennykh obrazovaniy do drevnikh imperiy*

[History of the Ancient East from Early State Formations to Ancient Empires] / Ed. A.V. Sedov. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004, pp. 656–697.

Oppenheim A.L. *On Royal Gardens in Mesopotamia* // *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 24. N 4. 1965. Part 2. Erich F. Schmidt Memorial Issue, pp. 1–13.

Perrot J. *L'architecture militaire et palatiale des Achéménides à Suse* // 150 Jahre Deutsches Archäologisches Institut 1829–1979. Mainz: [s.e.], 1981, pp. 79–94.

Pinder-Wilson R. *The Persian Garden: Bagh and Chahar Bagh* // *The Islamic Garden* / Ed. by E.B. Macdougall, R. Ettinghausen. Washington, D.C.: Harvard University, 1976, pp. 70–85.

Razmjou S. *Persepolis: A Reinterpretation of Palaces and Their Function* // *The World of Achaemenid Persia: History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East* / Ed. by J. Curtis, St. J. Simpson. London: I.B. Tauris. 2010, pp. 231–245.

Sami A. *Pasargadae. The Oldest Imperial Capital of Iran*. Shiraz: Learned Society of Pars, 1956. 161 p.

Schmidt E.F. *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago: University of Chicago Press, 1953. 297 p.

Stronach D. *The Garden as a Political Statement: Some Case Studies from the Near East in the First Millenium B.C.* // *Bulletin of the Asia Institute*. New Series. Vol. IV. 1990. In honor of Richard Nelson Frye: Aspects of Iranian Culture, pp. 171–180.

Stronach D. *Pasargadae: A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961–1963*. Oxford: Oxford University Press, 1978. 343 p.

Stronach D. *The Royal Garden at Pasargadae: Evolution and Legacy* // *Archaeologia Iranica et Orientalis: Miscellanea in Honorem Louis Vanden Berghe* / Ed. by L. de Meyer, E. Haerinck. Vol. I. Ghent. 1989, pp. 475–502.

Tadjvidi A. *Persepolis: Survey of excavations in Iran 1971–1972* // *Iran*. 11. 1973, pp. 200–201.

Tuplin C. *Achaemenid Studies* / *Historia Einzelschriften* 99. Stuttgart: Steiner, 1997. 226 p.

Поступила в редакцию
25 апреля 2018 г.